

4. Разумов А. А. Бедность в современной России / А. А. Разумов, М. А. Ягодкина. – М. : Формула права, 2007. – С. 108.

5. Циденков Г. Г. Преодоление бедности как приоритет региональной социальной политики в современном российском обществе : дис. ... канд. соц. наук / Г. Г. Циденков. – Самара, 2006. – С. 149.

АСТРАХАНЬ, ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО И «СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ» МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА В XVI – НАЧАЛЕ XVIII в.

**И.В. Косточкин
(Россия, Астрахань)**

В конце XV – начале XVI в. на территории Европы наблюдается кризис феодальной системы. В ряде регионов, в частности, в Московской Руси, власть все больше сосредотачивается в руках царского окружения, которому требуется опора, могущая стать грозной силой в условиях технического прогресса данной эпохи – развития огнестрельного оружия, фортификации, железного и других ремесел. Такой опорой становится свободное население новообразованных городов и слобод. Из него создаются стрелецкие полки и пушкарские соединения. Зачастую эти города служат и как базы снабжения для казачества. В ходе исторического процесса, в связи с изменением в социально-экономической структуре общества, служилые группы населения постепенно уходят с политической сцены как архаизм, уступая место формированиям регулярной армии эпохи Нового Времени.

The European feudal system was critical in late 15th – early 16th centuries. In this period in some regions, especially, in Moscow Rus the Tsar's attendants seized the power. They needed the support, which could become a severe power in the conditions of technological changes of that epoch – the development of fire arms, fortification and the other handicrafts. Free residents of recent towns and settlements became such base. They were in service in archer regiments and cannonry forces. Those towns were often used as a base for Cossacks' supply too. As the social and economical structure of the society were changing in the course of history, the military men gave up the political activity, and became as archaism, giving the way to the forming the permanent army of the New Time epoch.

Ключевые слова: феодализм, феодальное ополчение, Московское государство, Астрахань, градостроительство, стрельцы, казаки, служилые люди, артиллерия, города.

Key words: feudalism, feudal territorial army, Moscow State, Astrakhan, town-building, archers, Cossacks, military men, artillery, towns.

К концу XV в. на северо-востоке Руси сложилось сильное феодальное образование. События этой эпохи выдвинули на первый план московских «Рюриковичей». К тому времени Москва приобрела, в определенной степени, международный авторитет. Но молодое государство не вышло из предыдущей фазы своего развития: ещё были сильны родственные связи древних феодальных родов. В определенном смысле ситуацию конца XV – второй четверти XVI в. в Московском государстве можно сравнить с ситуацией синхронного периода в Англии, когда сильная централизованная власть уже могла противостоять магнатской вольнице, но была недостаточно сильна, чтобы сломать ей хребет.

В экономическом базисе Московской Руси так же шли значительные подвижки.

Перемены, происходившие в малоподвижной феодальной общине, к тому времени были типичны для значительной территории Европы: бурно шёл процесс этнической консолидации. В глубоком кризисе находились города, так как эти процессы подтачивали окостеневший цеховой строй. Разрушается могущественная Ганза. Все эти факторы способствовали высвобождению громадных масс населения. Обилие мелких ремесленников, не связанных узами цехового строя, распространение мелкой торговли, в невиданных доселе масштабах, подрывали самые основы феодализма.

Мощные подвижки происходили в сельском хозяйстве – основа экономики феодальной ОЭФ (общественно-экономическая формация). К концу XIV в. крепостничество сдавало позиции. В сельской местности начинает активно распространяться сезонный найм.

Насколько было распространено сезонное наёмничество, хотя бы в той же Англии уже к середине XIV в., ярко иллюстрирует «Ордонанс о рабочих и слугах» 1349 г. О сезонных наймах на рубку дров и покос указывают документы того времени. В тот же период распространяется такой общественный слой как бродячие подмастерья.

В XV в. территория русских княжеств была разделена на два крупных региона: княжеств в составе Великого Княжества Литовского и княжеств Востока Руси (Тверского, Московского, Рязанского).

Территория Восточной Руси, как и Литвы в то время, не была областью развитых крепостнических отношений [7, с. 241–242]. Крепостное право существовало здесь в архаичных, неразвитых формах. Кроме того, судя по дошедшим до нас документам, активно распространялось кустарное ремесло, не связанное с цехом (на востоке Руси в Литве и Молдавии развитым слабо) [13, с. 154–156]. Общественные слои и прослойки, не связанные и не состоящие в крепостной или личной зависимости, были налицо.

Основой и опорой тогдашней власти являлось войско. Традиции истинным войском признавали только рыцаря. Однако к этому времени само рыцарство находилось в состоянии крайнего разложения. Вплоть до унижительной, с точки зрения феодальной морали, службы в гусарах [10, с. 73]. Часть, в скрытой форме, искала возможность заложить свой меч подороже, часть догнивала в родовых поместьях, не гнушаясь разбоем на большой дороге. Но были и активные элементы: именно из их среды выходили ученые-гуманисты, просветители, во времена крестьянских войн становившиеся начальниками революционных отрядов.

Состояние класса феодалов было таково, что царская власть не могла опереться ни на один из его отрядов. Зарождающемуся самодержавию требовалась дополнительная опора.

Следует отметить, что, судя по дошедшим до нас документам и памятникам изобразительного искусства, военное дело XV в. оставалось в рамках предыдущего периода – феодального войска X–XIV вв. Однако тот же XV в. дает и другие образцы, например, гуситские войны. Вообще весь совокупный опыт войн на территории Евразии четко указывает на тот факт что, дисциплинированное крестьянское ополчение, оснащенное новым оружием, вполне могло противостоять тяжелой коннице.

Около 1550 г. образуются стрелецкие полки. Формирования стрелков из фитильного мушкета, к тому времени, уже не были чем-то новым. Но в условиях Западной Европы сколачивать подобные полки в большинстве случаев приходилось путем найма. В условиях относительно отсталой Московской Руси основой для подобных формирований послужили, как говорилось выше, развившиеся к тому времени слои мелких ремесленников, промысловиков и торговцев, что и оговаривают документы середины XVI в.

Стрелецкое войско служило не просто эффективной военной силой, но и противовесом рыцарским полкам удельных князей и бояр. С другой стороны, царская власть не могла опираться на «мужика» (военное дело ещё долго оставалось приоритетом рыцаря). Поэтому армии того времени по своему составу имели, в описании, причудливый, многогранный облик. Что представляло собой войско Ивана Грозного иллюстрирует серия документов об организации обороны на реке Оке в 1572 г. [6, с. 78–85].

Это был год похода крымского хана Давлет-Гирея на Москву. Хорошо видно, что, несмотря на многочисленные мушкетерские подразделения (стрельцов и казаков «с пищалями»), наемных немецких копейщиков и рейтаров, все же основой войска остается феодальная конница. «Писанные законы России» говорят о «детях боярских», которые служили в войске в качестве легкой кавалерии [8, с. 467–478]. Об этой коннице подробно писали Ричард Ченслер [1, с. 32] и Зигмунд Герберштейн [3, с. 108]. Судя по спискам Воротынского (1576 г.), часть воинов пришла под своими знаменами, а часть была вассалами крупных царских воевод – Одоевского, Шереметьева и др.; которые видимо, составляли тяжелую конницу.

Для сравнения с Московским войском приведем выдержки из знаменитого документа рубежа XV–XVI вв. известного как «Записки янычара», написанного, как считают, Константином Острожецким в конце XV в.: «Всадники "акандие" – "...набираются добровольно и по своей воле и за свой счет ездят в походы. Некоторые турки называют их когмари (правильно "чомры", т.е. овчары – И.В.), так они живут тем, что добудут: ..., ожидая, когда их куда-либо позовут в поход: ... и не нуж-

но им приказывать или платить за службу или покрывать издержки». Константин упоминает о «ротмистре» называемом «даэдирэр»; «к нему от султана во всех областях приставлены воеводы (санжакбеги)».

Из текста видно, что «акандие» уходит в поход «о дву конь», причем заводная лошадь используется в качестве вьючной.

«Скарахорь» («то, что у нас солдаты») – набираются из «добровольных всадников» (видимо, из тех же «акандие»), являются по призыву султана «оружно», с установленной платой: «...золотой на четыре дня...». Далее Константин пишет интересную фразу: «...И с этого момента их не называют всадники, ибо они уже служат не добровольно, а становятся солдатами и им выплачивают каждый месяц, ибо их служба длится не долго. «Марталосы» (прим.: от греч. – арматолы) по Константину комплектовались из христиан, «служба их длится столько, сколько каждый захочет. Снаряжение они имеют такое же, как скарахоры, если он хочет иметь его больше, то это его дело». Константин называет и «войнуков», которые используются в качестве прислуги при войске.

«Янычары» – набравшиеся из христианских мальчиков в завоеванных землях, составляли гвардию (около 4 тыс. чел): «...они имеют над собой гетмана, которого называют ага (уважительное обращение к старшему родственнику И.В.). Автор отмечает, что сыновья этих командиров так же имеют наследственное право на службу султану. По вооружению янычары разделяются на лучников, пушкарей, мушкетеров и арбалетчиков. В бою янычары использовались как пехота (Константин отмечает, что рядовым янычарам и их десятникам запрещено садиться на коней)» [5, с. 106–109].

Основой же войска оставалось феодальное ополчение (Румелийское и Анатолийское), куда входили знамена князей и рыцарей (спахия). Представление о европейской армии конца XV – начале XVI в., мы имеем благодаря работе итальянского историка Паоло Джовио, давшего развернутое описание войску французского короля Карла VIII [12, с. 206–209]. Основу этого формирования и его большую часть составляло французское рыцарство, явившееся на службу «конно, людно, оружно». Легкую конницу составляли конные стрелки из луков. Пехота состояла из аркебузирова и гасконских арбалетчиков. В состав войска входила и артиллерия, применение последней и определило победу французской короны. Командование ополчением Воротынского было сформировано по общefeодальному принципу: вышестоящий начальник наиболее знатен. Воеводе из «худородных» в помощь выделялся, для поднятия авторитета, знатный напарник.

Вторая половина XVI в. – время нарастания экспансии Московского государства – ознаменовалась постройкой целой серии городов и опорных пунктов. Одним из важнейших городов и стала Астрахань – проводник самодержавной политики в Прикаспии и на северном Кавказе, мощный укрепленный пункт в данном регионе. Не пренебрежало градостроительство и после смерти Ивана IV. Нетрудно заметить, что все эти поселения либо выросли из слобод, либо построены в качестве «бургов», причем зачастую последние возникли не «постфактум», как обычно, а синхронно.

Стратегически важное значение Астрахани требовало наличия сильного гарнизона. Об этом свидетельствует Христофор Бэрроу – представитель английской торговой компании: «...астраханский воевода содержит своих солдат в полном порядке и готовности; их всего 2000 стрельцов и казаков...» [1, с. 78]. О сопровождавших его стрельцах пишет и Дженкинсон [1, с. 62], который в 1558 г. был в Астрахани, как видим, стрельцы были включены в гарнизон изначально (!). Адам Олеарий сообщает о 9 стрелецких приказах, общим числом в 4500 человек. Гарнизон располагал 500 орудиями.

Свидетельства иностранных путешественников показывают, что в гарнизоне Астрахани отсутствовала дворянская конница.

Изменения видны в смете, составленной по документам 1661–1663 гг. С.В. Веселовским, о чём будет сказано ниже.

Приблизительно с середины XVI в. заявляет о себе новая общественная сила – казачество. В «Росписи Воротынского» «казаки» составляют около 25 % списка, причём усматриваются вольные, служилые и наемные категории.

Значительна в это время роль казачества, в качестве составной части городских гарнизонов. Под казаками не следует понимать монолитный слой. Разброс в социальном и культурном отношении, от Запорожской Сечи до служилых Поволжских казаков, чрезвычайно велик, даже идеология сообществ вольных людей данных территорий, может различаться.

Так, в частности Бэрроу, посланный Английской компанией в Персию в 1579–1581 гг. и просидевший около года в Астрахани, отмечал, что воевода использует казаков в основном для охраны города (а не крепости) и для различного рода поручений и служб. В то время как самые ответственные дела (охрана Астраханского кремля, сопровождение иностранных послов, охрана учугов) возлагалось на стрельцов.

Положение казаков в Астрахани было типично для восточных областей Русского государства. В материалах и документах по Русско-Китайским отношениям казаки выступают как посольские и гонцы [9, с. 17–96]. Картина нетипична для Северной Украины, где казачество составляло основу населения.

В смете С.В. Веселовского бросается в глаза следующее: а) стрельцы присутствуют в подавляющем большинстве городов и укрепленных пунктов; б) к казакам это относится только касательно западной части Московской Руси. Поволжье, располагая значительными вооруженными силами, имеет в гарнизонах только стрельцов, казаки там отсутствуют [2, с. 45].

Необходимо рассмотреть исторические процессы, протекавшие на данной и смежных территориях, поскольку они имеют более глубокие корни.

Казачество, точнее запорожские и северские казаки, заявили о себе ещё во времена Смуты. В 1596 г. была подписана Брестская уния, согласно которой, часть православных иерархов Речи Посполитой принимало римский «символ веры». В это же время подрывается влияние литовского боярства, наиболее влиятельные роды которого придерживались православия. Униатство наталкивается на значительное сопротивление, как литовско-русской шляхты, так и казачества востока Речи Посполитой. Социальной базой униатской церкви становится придавленное феодальным гнетом крестьянство Червоной Украины и Львовщины. На левобережье Днепра и в степной части его правобережья происходит оседание значительных масс мигрантов из Литвы, Руси, Молдавии, Балканского полуострова и Кавказа; в этом регионе православие становится символом, противостоянием тому, от чего уходили крестьяне, образовавшие казачество Поднепровья, Запорожья и Северщины – «второму изданию крепостничества» и религиозной дискриминации, т.е. объединяло наиболее радикально настроенные и вольнолюбивые элементы.

В 1620 г. казачье войско во главе с гетманом Сагайдачным дает отпор посполитскому воинству. Последним же оплотом православия считалась Москва.

Тезис: «Москва – Третий Рим» был выдвинут в 1-й четверти XVI в. монахом псковского Елизаарова монастыря Филофеем. На Москву ориентирован был и крупнейший идеолог православия киевский митрополит Петр Могила (представитель знатнейшего молдавского рода, окончивший Парижский университет и прошедший военную службу в войсках Речи Посполитой). С надеждой смотрела на Русь и христианская часть Кавказа, в т.ч. «столп православия» – Грузия.

Собственно православия, как единого толка, ещё не существовало – «Восточным толком» или «Греческим законом» называли набор догматов, более или менее подходящих друг к другу и, как правило, противостоящих католицизму. Попытки преобразования церкви так называемыми «боголюбцами» привели к расколу. Символом одной части (кстати, тяготевшей к догматике, принятой в Северной Руси) стал патриарх Никон, другой – ортодоксально-византийской – протопоп Аввакум («Огнепальный»).

Церковное преобразование не было идеей Никона, но церковные иерархи четко угадали направление. Сам Никон, будучи убежденным сторонником тезиса «священство выше царства», был сослан «Тишайшим» в Соловецкий монастырь. Восточная часть казачества придерживалась старого толка и, не смотря на эпизодические службы Московскому правительству, относилась к усилению государственного

влияния негативно. Поэтому для городов Поволжья присутствие казаков в гарнизонах было не только нежелательным, но и опасным. Наиболее ярким выражением лояльности украинских казаков явилась Переяславская Рада.

Возвращаясь к «смете Веселовского», не трудно заметить, что в большинстве гарнизонов поволжских городов появляются дворяне [2, с. 53]. За это время (1572–1663 гг.) в классе феодалов произошли решающие перемены, удельным весом начали пользоваться новообращенные бояре и дворяне.

Царская власть сумела за 90 лет произвести ревизию класса феодалов и расправится с наиболее влиятельными родами.

Эти перемены сказались и на составе астраханского гарнизона и на роли Астрахани в политике Московского государства. Город превращается в центр воеводства и значительный торговый-промышленный пункт.

Ян Стрейс [11, с. 410] и Людвиг Фабрициус [4, с. 87], побывавшие в Астрахани во времена восстания Степана Разина, упоминают о наличии в гарнизоне солдат. Те же авторы говорят о преобладании в командовании гарнизона иностранных офицеров, но стрелецкими приказами продолжают распоряжаться их «головь». По упоминавшийся «смете Веселовского» видно, что солдатский полк стоял в единственном городе Поволжья – Астрахани.

Астрахань становится крупнейшим центром влияния Русского государства, в южной части его владений, что получило отражение даже на гербе «Московии» – астраханский герб помещен рядом с московским, на правом крыле орла по середине герба.

Но, в скором времени звезда Астрахани после восстания Степана Разина начинает закатываться. В «Росписи перечневой» [6, с. 180–204], относящейся к 1681 г., Астрахань не упоминается вообще. Поволжские города относятся к казанскому разряду, а воевода находился в Симбирске. В «Росписи» исчезают классические названия командиров стрелецких полков, стрелецкие командиры названы на европейский манер – полковник, полуполковник (подполковник), капитан. Бросается в глаза и увеличившееся количество солдат, запорожских казаков, кавказцев. При этом «черкасы» гетманского полка оговариваются особо, их число 50 тысяч человек (!) при общей численности войска в 164 тысячи человек. Преобразование войска на европейский лад вызвало недовольство стрельцов, привыкших считать себя «царевой опорой», терявших, к тому же, вполне материальные привилегии. Обращает на себя внимание и убывание такой, в прошлом распространенной, категории служилых представителей феодального класса, как дети боярские и дворяне. В росписи они упоминаются редко, что указывает на дворянское ополчение как на архаизм, сохранившийся с «рыцарских времен».

В начале XVIII в. в Астрахани побывал Корнелий де Бруи – французский путешественник, написавший в последствии свои записки, где упоминает о тысяче солдат (под командованием полковника де Виня) и 600 московских стрельцах. Местная часть гарнизона состояла из 900 стрельцов и тысячи всадников. Кроме того, Астрахань обязана поставлять в царское войско кавалеристов из татар.

Тем не менее, Астрахань, несмотря на своё выгодное географическое положение и сильную крепость, продолжает находиться в опале, на что указывает большой иногородний контингент в гарнизоне.

Год спустя в Астрахани вспыхнет очередное восстание. Имя Степана Тимофеевича Разина среди восставших приобретет значение лозунга. Все это, а также разгоревшаяся впоследствии крестьянская война 1713 г., подтолкнет петровскую администрацию к ускоренному расформированию стрелецких полков.

Астрахань являлась своеобразным индикатором для периода зарождения абсолютизма и кризиса феодальных отношений. Подвижки в гарнизоне города, как видим, не всегда вызывались переменами в военном деле. «Государевы города» являлись опорой крепнувшей центральной власти, а их население было именно теми, кто был наиболее заинтересован в скорейших переменах. Но те самые слои населения, активно поддерживавшие царскую власть, позднее оказались, уже укрепившейся власти, крайне неудобными.

Царская власть поддерживалась как таковая, как антитеза чрезмерно вольному рыцарству и усилившемуся боярству. Достаточно вспомнить активную поддержку теми же самыми общественными слоями Лжедмитрия. Немного спустя, горожане, стрельцы и запорожцы поворачивают против экспансии польских и западно-русских феодалов.

Укреплявшемуся государству уже не нужны были мелкие ремесленники и ратные люди, воевавшие «на свой кошт» или попутно занимавшиеся промыслами. Оно нуждалось в мануфактурах, заводах и регулярной армии. Речь Посполитая так и не смогла выбраться из лабиринта аналогичных противоречий, социальные процессы в ней неизбежно принимали уродливые формы.

То, что происходило на данном этапе исторического процесса в Московии, не является каким либо феноменом. Русь шла вместе со всеми в общем русле мирового исторического процесса. Не развив в себе крепкую надстройку, она тем самым не создала панцирь, сковывающий дальнейший рост. Именно поэтому, несмотря на большие исторические зигзаги, Московское государство уверенно шло в одном направлении. Петровские реформы только подчеркивали динамичность, эластичность и, в конечном счете, перспективность новоявленного государства. Вспомним, что многочисленные реформы, проводимые в эти же периоды у соседей, к успеху не приводили. Мощный феодальный класс, как выразитель самых консервативных тенденций, соседствовал с развитыми городами и забитым и угнетенным крепостным крестьянством (о жутком гнете крестьян в Венгрии, Германии, той же Речи Посполитой красноречиво говорят как дошедшие документы, так и народный фольклор).

Следует отметить, что Астрахань, как город, наряду с другими городами южных рубежей, была опорой, цепью которой центральная власть стремилась, с одной стороны, сковать феодальную вольницу, с другой – обеспечить защиту своего влияния на новых рубежах. Тем не менее, в силу географического положения, Астрахань играла особую роль; недаром и крымцы, и ногайские беки, и крестьянские армии в XVI–XVII вв. стремились, в первую очередь, к захвату именно Астрахани, понимая значение «южного форпоста». И именно поэтому, на примере «астраханской истории» можно уяснить многие, часто противоречивые, тенденции того времени.

Список литературы

1. Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. – Л. : ОГИЗ, 1937. – 315 с.
2. Веселовский С. Б. Сметы военных сил Московского государства 1661–1663 гг. / С. Б. Веселовский // Чтения в Обществе истории и древностей российских. – М., 1911. – Кн. 3. – С. 44–45.
3. Герберштейн С. Записки о Московии / С. Герберштейн. – М. : МГУ, 1988. – 430 с.
4. Записки иностранцев о восстании Степана Разина. – М. : МГУ, 1968. – 174 с.
5. Записки янычара. – М. : Наука, 1978. – 136 с.
6. Описание Государственного Разрядного Архива. – М., 1842. – 575 с.
7. Папуто В. Т. Образование Литовского государства / В. Т. Папуто. – М., 1959. – 536 с.
8. Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. – М. : Юридическая литература, 1984. – Т. 2. – 520 с.
9. Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы / сост. и обраб. текстов Н. Ф. Демидовой, В. С. Мясникова. – М. : Наука, 1972. – Т. 2. 1686–1691. – 835 с.
10. Советская Военная Энциклопедия. – М., 1977. – Т. III. – 672 с.
11. Стрейс Я. Я. Три путешествия / Я. Я. Стрейс. – М., 2006. – 496 с.
12. Хрестоматия по истории средних веков : в 3 т. / под ред. С. Д. Сказкина. – М. : Соцэкгиз, 1961. Т. 2. – 688 с.
13. Хрестоматия по истории СССР. – М., 1949. – Т. 1. – 507 с.